

УДК 821.161.1-32(Сорокин В.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-8,444

ГСНТИ 17.07.41

Код ВАК 10.01.08

О. В. Хорохордина
Санкт-Петербург, Россия

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРИЕМЫ ИМПЛИКАЦИИ ИНСТРУКТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ЖАНРЕ АНТИУТОПИИ

Аннотация. Автор статьи характеризует инструктивный тип речи и литературный жанр антиутопии на основании критериев выделения речевого жанра, сформулированных М. М. Бахтиным. Отмечается, что содержание антиутопии отражает негативный образ общества будущего, который основывается на критическом восприятии актуальной социальной действительности. Художественная интенция автора антиутопии представляется как побуждение читателя к осмысленному определению своей гражданской позиции по отношению к существующему состоянию общества. Автор статьи показывает, что жанр антиутопии в норме должен имплицитно включать инструктивный компонент, предполагающий ответ на вопрос: «Какие тенденции в современной жизни следует искоренять, чтобы избежать представленного в антиутопии состояния общества?». Автор статьи проводит дискурсивный анализ рассказа-антиутопии В. Сорокина «Марфушина радость» и выявляет, что средством формирования образа негативных социальных тенденций выступает не только собственно содержательный компонент, но и искусственно конструируемый писателем язык общества будущего. В соответствии с сущностью данного языка автор статьи называет его футуроязом. Автор отмечает, что в футуроязе доминируют 7 основных дискурсов, маркирующих 7 зон негативных, с точки зрения писателя, тенденций в развитии современного общества.

Ключевые слова: антиутопии, русская литература, образ будущего, дискурс-анализ, инструктивные компоненты, литературные жанры, типы речи, речевые жанры.

O. V. Khorokhordina
Saint-Petersburg, Russia

DISCOURSIVE MEANS OF IMPLICATION OF INSTRUCTIVE COMPONENTS WITHIN THE ANTI-UTOPIA GENRE

Abstract. The author of the article characterises the instructive type of text and the anti-utopia genre based on criteria of definition of the genre of speech, formulated by M. M. Bakhtin. The article notes that the content of an anti-utopia reflects a negative image of the future society, based on a negative perception of the current social reality. The aesthetic intention of a writer, creating an anti-utopia, is to stimulate the reader to consciously define his/her civic attitude towards the existing state of affairs in the society. The author of the article shows that normally the anti-utopia genre must imply an instructive component, containing the answer to the question: «Which tendencies of contemporary life are to be eradicated in order to avoid the social situation described in the anti-utopia?» The article analyses the anti-utopic short story «Marfusha's joy» by V. Sorokin and shows that the writer uses not only the content but also an artificially constructed language of the future as a mean to form the image of negative social tendencies. Taking into account the nature of this language the author of the article names it «futurespeak». The author of the article notes that futurespeak is dominated by 7 main discourses, that mark the 7 negative (from Sorokin's point of view) tendencies in the development of the contemporary society.

Keywords: dystopia, Russian literature, image of the future, discourse analysis, instructional components, literary genres, types of speech, speech genres.

Художественный текст, представляющий собой одновременно и эстетический, и коммуникативный речевой продукт, может и должен исследоваться в единстве двух своих сущностных составляющих. В таком случае необходимо пройти путь от восприятия художественного текста как эстетического объекта к заложенному в нем посланию писателя читателю — собственно коммуникативному компоненту, в нашем случае — значимой проявленности в жанре антиутопии смыслового компонента инструктивного типа.

В определении типа текста мы ориентируемся на набор признаков, выделенный в качестве релевантных для речевого жанра М. М. Бахтиным [См. об этом: Бахтин 1986], в соответствии с чем под инструктивным типом текста нами понимается речевое произведение, отвечающее следующим критериям:

1) типовая интенция — *научить, как действовать или чего не делать в какой-либо ситуации*, что предопределяет характерную для данных текстов *прескриптивную, императивную тональность*;

2) типовое содержание и его композиция: *сценарий необходимых или недопустимых действий для достижения определенного результата*;

3) типовая завершенность в *ответной реакции адресата, в идеале предполагающая исполнение им предписаний, включенных в инструкцию*;

4) *типовые средства языкового выражения* [Хорохордина 2013: 9].

В связи с последним следует отметить, что, как всякий другой тип высказываний, инструкция может получать как эксплицитное, так и имплицитное выражение. При имплицитном выражении инструктивного компонента в художественном тексте неизбежно требуется рассматривать «сложную проблему взаимоотношения языка и идеологии, мировоззрения» автора [Бахтин 1986: 430–431]. В таком случае выявление содержания инструктивного компонента художественного текста требует от читателя интенсивной интерпретативной активности, поскольку в основе подтекста лежат как общие для данной лингвокультуры, так и индивидуально-авторские смыслы (ср. с идеями Л. А. Голяковой о типах подтекста и способах его объективации в художественном тексте [Голякова 2006]). Такого рода реализации инструктивного типа текста мы называем имплицитными *мультиплицированными* (то есть «преумноженными» в смысловом

отношении) инструкциями [Хорохордина 2013: 14]. Одной из типичных речевых реализаций имплицитной мультиплицированной инструкции, на наш взгляд, выступает жанр антиутопии.

Обращаясь к жанру антиутопии, мы не намерены представлять развернутый обзор научных дискуссий о сути его соотношения с жанрами утопии и дистопии [см. об этом, например: Шишкина 2007, Воробьева 2009, Дыдров 2011, Шевель 2011]. Полагаем достаточным указать лишь существенный, по нашему мнению, дифференцирующий три названных жанра параметр — отношение субъектов текста к изображаемому миру: так, по словам А. А. Дыдрова, «поскольку в антиутопии всегда присутствует убежденность многих людей в достижении идеала, то убеждения человека утопии и антиутопии являются идентичными в самом главном — признании того факта, что способ жизни человека и форма существования общества достигли или почти достигли идеального состояния. Это убеждение прочно соседствует с верой в стабильность — бесконечное продление идеального состояния. Для внутреннего мира человека дистопии характерны сомнения» [Дыдров 2011: 18].

Мы определяем антиутопию как сатирический жанр художественной литературы, где некий признаваемый героями произведения идеальным миропорядок, который представляет собой прогнозируемый автором образ реальной социальной действительности, изображается с позиций негативной авторской оценки, в чем воплощается авторский замысел заставить читателя задуматься о том, как следует действовать уже сегодня, чтобы избежать изображенного в антиутопии результата развития современного общества. Учитывая, что сущность литературного жанра проявляется через «некое специфическое отношение литературного текста к человеческому времени» [Смирнов 2008: 4], не только принципиально подчеркнуть направленность антиутопии в будущее своей содержательно-интенциональной основой, но и возможно оценивать данный жанр, по выражению В. И. Филатова, «как метод предвидения будущего» [Филатов 2014: 84].

Итак, в антиутопии автор обозначает, гипертрофируя (нередко до абсурда), опасные, с его точки зрения, тенденции актуального развития социума, которые и могут сделать в будущем мир таким неприемлемым, каким он изображен в произведении. Эксплицитного ответа на вопрос: «*Какие тенденции в современной жизни следует искоренять, чтобы избежать представленного в антиутопии состояния общества?*» — обычно автор не дает, но создаваемый им образ мира ясно указывает читателю, как минимум, что именно из того, что сегодня совершается в обществе, не следует не замечать, не следует положительно оценивать и поддерживать, а как максимум, — чему необходимо противостоять. Таким образом, за конститутивными чертами жанра антиутопии проявляются все отмеченные выше составляющие инструктивного компонента, включая предполагаемую реакцию читателя на художественное послание автора.

Проиллюстрируем имплицитный инструктивный компонент антиутопии на примере рассказа В. Сорокина «Марфушина радость» [Сорокин 2008:

5–15], который мы рассматриваем на основании сказанного выше как антиутопию. В «Марфушиной радости» области жизни современной России, обнаруживающие, по мнению автора, тревожные негативные тенденции, обозначены при помощи дискурсивных возможностей русского языка.

Под дискурсом вслед за Ю. С. Степановым будем понимать «“язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей “грамматики” и своего “лексикона”, как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете — особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это — “возможный (альтернативный) мир”» [Степанов 1995: 44].

С этой точки зрения в рассказе В. Сорокина «Марфушина радость», рисуя картину российской действительности периода после неких событий 2027 года и представляющем ее с точки зрения живущего в ней ребенка, одиннадцатилетней девочки Марфуши, создается “возможный (альтернативный) мир”, причем средством реализации повествовательной формы этого рассказа выступает сконструированный В. Сорокиным вымышленный язык, который мы обозначим как *футурояз* — язык, приспособленный для отражения существенных черт такой будущей российской действительности, какой она представляется в рассказе. Футурояз рождается в результате взаимодействия в рассказе разных стилистических пластов современного русского литературного языка, привносящих в текст, как показал наш анализ, 7 основных соответствующих им дискурсов с репрезентируемыми ими мирами сегодняшней российской действительности, становящимися объектами гротескного изображения писателя, обозначающего таким образом те зоны современной российской социальной реальности, тенденции развития которых, по оценке автора, настолько аномальны, что представляют угрозу для благополучия (в плане как личной и политической свободы, так и материального достатка) россиян в недалеком будущем.

Анализируемый текст с первой строчки вызывает у читателя впечатление архаичности и сказочности. *Архаично-традиционный дискурс* в рассказе, гиперболически воспроизводя бытующую у определенных групп россиян идеализацию исконной русскости и связанное с этим самосознание своей непохожести на другие нации и народы, актуализируется в рассказе номинациями русских традиционно-бытовых (*самовар полутораведёрный, печь топить*) и фольклорных реалий (*Москва-матушка, Дед Мороз со Снегурочкой*), а также архаизмами (*полфунта, коврига, гривенник*), народно-разговорными и просторечными словами (*благодарствуйте, кабы, токмо*), которые, взаимодействуя между собой в рассказе, складываются в единое ассоциативное поле с доминантными признаками ‘архаичность’, ‘традиционность’ и обозначают в контексте художественного мира сорокинской антиутопии одну из

базовых негативных черт российской действительности. Причем использование героями вперемешку устаревших слов и типа *таперича* со сниженно-просторечной окраской, и типа *вспомоществование*, история функционирования которых в русской речи неразрывно связана с книжно-письменным, высоким стилем («в высоком слоге не позднее XVI–XVII вв. возникает <...> глагол *вспомоществовать*. Производное от него существительное, носившее в языке XVIII и XIX вв. официально-торжественный оттенок, сохранилось и до сих пор, хотя и с оттенком официально-устарелого выражения» [Виноградов 2010]), подчеркивает тотальную архаизацию всех сфер жизни человека.

Самый главный и ярко выраженный маркер архаичного в тексте находится в синтаксической форме повествования с инверсированным порядком слов в предложениях. Как справедливо указывает В. Г. Будыкина, «всякое изменение в порядке следования речевых компонентов выполняет в нарративе определенную функцию» [Будыкина 2004: 10]. В данном случае многочисленные случаи предшествования сказуемого подлежащему, определяемого слова определению делают речь стилизованной, «придают рассказу характер народного повествования» [Розенталь 1997: 208], вызывая ассоциации с подобной повествовательной манерой, хорошо знакомой читателю из русских сказок и былин. Так в тексте становится заметна другая важная характеристика российской действительности, которая поддерживается элементами фольклорного происхождения: прецедентного имени былинного героя Ильи Муромца и упоминаниями богатырской силы, сказочного заколдованного леса, регулярно являющегося Марфуше во сне, волшебных кукол, имени коня Будмир, восходящего к фольклорным номинациям петуха, и др. Используемые в тексте фольклорные элементы объединяются общими коннотативными признаками *'сказочность'*, *'наивность'*, заостряя внимание читателя на исконных чертах мировосприятия, характерных для обычного русского человека и мешающих русским реалистично оценивать происходящее.

С архаично-традиционным дискурсом слит и *православный дискурс*, соединяющим звеном между которыми выступает образ, отражающий почитание на Руси блаженных как «Божьих людей», как предсказателей будущего, — образ *блаженного Амони Киевгородского*, которому фанатично верят жители столицы Новой России. Православный дискурс в анализируемом тексте представлен также фрагментами сценариев действий верующих и номинациями православных ритуалов, обязательно входящих в привычный уклад повседневной жизни не только главной героини, но и всего государства. Богослужебные обряды, такие как регулярные молитвы и посещение церкви, входят в распорядок дня семьи Марфуши, персонажи выполняют их, как нечто естественное, привычное, что передано Сорокиным, в частности, при помощи включения номинаций православных обрядов в середину перечислительного ряда, называющего жизненные навыки, уже приобретенные одиннадцатилетней Марфушей: «*маме*

помогает, вышивает крестом и бисером, поёт в церкви, молитвы легко учит наизусть, пельмени лепит, полы моет, стирает».

Четко прослеживается настойчивое приобщение государством граждан Новой России к религиозности с юного возраста — главная героиня посещает *церковно-приходскую* школу, которая выступает в рассказе как учреждение обязательного среднего образования. В расписании занятий на ближайший день у Марфуши: «1. *Закон Божий* 2. *История России* 3. *Математика* 4. *Китайский язык* 5. *Труд* 6. *Хор*». Следовательно, обнаруживается, что основной принцип светского государства: «Школа отделена от церкви, церковь от государства» — не действует в Новой России.

Сорокин фокусирует внимание читателя на слиянии государства с церковью в «новом» российском будущем, где светская власть приравнена к Божественной, причем автор использует для этого контексты, апеллирующие к значимым христианским концептам: в комнате Марфуши находится живой портрет главы государства, с которым она обменивается утренними приветствиями так же, как и крестится при пробуждении на иконы, что актуализирует концепт *всевидящего ока*; а подарки собравшимся на площади детям, посылаемые с небес при появлении на них образа Государя, ассоциируются с *манной небесной*.

Таким образом, номинации церковных обрядов, церковно-образовательного детского учреждения, имена святых, топонимы (*Храм Василия Блаженного*) объединяются семами *'религиозности'*, *'православности'*, причем в тексте они не существуют изолированно от единиц, в норме не имеющих отношения к религиозно-православному стилю, и, вступая в сочетание с этими другими языковыми единицами, передают также и им дополнительные значения *'религиозность'*, *'православность'*, отчего складывается впечатление, что указанные семы, надстраиваясь над общеязыковыми значениями единиц, окрашивают весь текст в целом и созданный в рассказе образ действительности Новой России религиозно-православным оттенком, чем Сорокин подчеркивает разрастающееся сегодня в России влияние церкви, претендующей на государственный статус, в чем обнаруживается, в частности, нарушение права атеистов не следовать каким бы то ни было религиозным нормам.

Православный дискурс соседствует в рассказе с *государственным дискурсом*, который складывается из дискурса власти и дискурса о власти.

Образ власти в рассказе гипертрофированно положителен, что обеспечивается, с одной стороны, эпитетами, употребленными при номинации главы государства — *Государь* — слове-историзме, обозначающем в прошлом русского монарха: «*Как прекрасен Государь Всея Руси! Как красива и добр! Как мудр и ласков! Как могуч и несокрушим!*», с другой стороны, сценариями дружелюбного общения Государя с верными подданными: «*Улыбается ей Государь, глазами голубыми смотрит приветливо*». Сорокин употребляет для номинации лица главы государства существительное *лик*, используемое обычно по отно-

шению к святым, идея святости поддерживается также семей 'свет' в глаголе *высветился*, вызывая ассоциацию со свечением, исходящим от святых, актуализации этой идеи в тексте способствуют и лексические единицы *облака* и *небо*, обозначающие положение в пространстве изображения Государя и подчеркивающие его как бы неземную природу.

Резко контрастирует с внешним обликом Государя деспотичность и жестокость действий власти, что описано словами, содержащими общую сему 'разрушение, уничтожение': *снёс, жгли, давящих, на куски рвут*, усиленную историзмом *опричники*. Сожжение заграничных паспортов как знаковое действие, направленное на выражение враждебности по отношению к Западу, напоминает публичное сожжение запрещенных книг, которое было характерно для средневековой Европы. Идея отгораживания от Запада, «от врагов внешних», воплощается в символическом акте реализации строительства «по государственной программе "Великая Русская Стена"».

Отметим, что в ряду действий власти Сорокиным обозначена лишь одна экономическая мера, отражающая крайнюю степень экономической отсталости России: «Теперь уже все в Москве печи топят по утрам, готовят обед в печи русской, как Государь повелел. Большая это подмога России и великая экономия газа драгоценного».

Автором подчеркивается тот факт, что все сценарии действий власти получают в рассказе одобрение народа: например, дедушка, рассказывая Марфуше об опричниках, наделяет их эпитетом «героические». Важно, что как государственное дело рассматривается доноительство: Марфуша, донесшая дворнику на нищих, пристроившихся в подъезде погреться, выпить и закусить, и пронаблюдавшая как дворник безжалостно избивая, вышвырнул их из подъезда, отмечает про себя: «Дело полезное, государственное, сделано».

Дискурс государственности в рассказе «Марфушина радость» актуализирует идеи 'двуличия' власти, ее 'жестокости' и 'враждебности' по отношению к собственному народу и 'верноподданничества' со стороны народа.

Вероятно, В. Сорокин связывает такую ситуацию не в последнюю очередь с наследием советского периода, поскольку в тексте важное место занимает советский дискурс и соответствующий ему советский «альтернативный мир»: обращают на себя внимание как собственно советизмы, например, *Почин* (как синоним слова *субботник*), *стражи порядка*, так и вербализации советских фундаментальных концептов: например, *коллективизма* — за шишками для самовара школьники «целым классом в Серебряный бор ездили» — или, например, *светлого будущего* как цели всякой деятельности: «много ещё кирпичиков надобно слепить, чтобы счастье всеобщее пришло»; «тогда бы Государь враз стену закончил и наступила бы в России счастливая жизнь».

Советский дискурс, отражая характерный способ выражаться готовыми устоявшимися идеологизированными сочетаниями, акцентирует в тексте семьи *коллективизма*, *деперсонализации*, а также наполняет рассказ идеями бездоглядного патрио-

тизма, закрытости общества и ожидания гражданами будущей счастливой жизни. Так автор очерчивает тот круг советских идей, которые остаются и сегодня живучими в определенных слоях российского общества, тормозя в России становление социума, основанного на личной свободе граждан и открытости страны.

В рассказе автор заостряет внимание читателя на некоторых реалиях, свидетельствующих о распространении в России азиатского образа мышления и существования, пронизывающего все сферы жизни: от быта до государственной политики. В первую очередь, этому служит образ Великой Русской Стены, которая по аналогии с Китайской, якобы будет строиться после 2027 года для защиты от западных государств, объявленных внешними врагами, и для удержания жителей страны в ее пределах: «Растёт, растёт Стена Великая, отгораживает Россию от врагов внешних».

Повседневная жизнь россиян будущего наполнена продукцией китайского производства: «попили чаю китайского с белым хлебом»; «Лыжный забег с китайскими роботами», «в китайках» (китайки — образованный В. Сорокиным неологизм для обозначения спортивной обуви; ср. *вьетнамки*).

В рассказе встречаются и лексические единицы, имитирующие заимствование из китайского языка. В речи главной героини эти слова звучат совершенно обыденно: «села с Умницей играть в Гоцзе»; «Играла до обеда, но баоцзянь так и не смогла найти» (в переводе с китайского, как указывает автор в примечаниях, *баоцзянь* — меч, предмет, который якобы нужно найти в 4D игре с названием *Гоцзе* — Государственная граница); «Марфуша <...> расческу китайскую поторопила: — Куай-идяrr!» (последнее слово означает по-китайски «Быстрее!»). Это создает впечатление, что данные китайские слова уже полностью ассимилировались в русском языке. В реальности Новой России после 2027 года Сорокин заменил и наиболее выбираемый сегодня для изучения английский язык китайским: «В одиннадцать лет свои Марфуша <...> по-китайски уже много слов знает».

Отмеченные детали в совокупности способствуют формированию у читателя ясного мнения: тот путь, которым движется Россия, по своему вектору противоположен направлению преобразований, некогда заданному Петром Первым: окно в Европу замуровывается, Россия добровольно погружается в атмосферу азиатчины.

Небезынтересно отметить, что Новое Российское средневековье наполнено высокотехнологичными реалиями и сценариями использования инновационных технологий в быту и общественной жизни. Так, Марфуша видит «на стене живую картинку с Ильёй Муромцем»; «с умной машиной «на ты», по клавише печатает влепую»; «поклонилась живому портрету Государя на стене»; «Прикосновением руки правой Марфуша умную машину свою оживила»; «Загорается голубой пузырь ответно, подмигивает», у Марфуши есть «компьютерная игра 4D»; для школьников запланирован «лыжный забег с китайскими роботами»; в праздник Рождества для

детей «на облаках зимних лик Государя огромный высветился»; «сквозь лицо Государя тысячи шариков красных вниз опускаются». Даже блаженный «Амония Киевогородский со псом своим верным *электрическим* шествует».

Автор включает в речь героев рассказа примитивные номинации, а не лексические единицы, нормативные в сегодняшнем русском литературном словоупотреблении для обозначения инновационных реалий: «живая картина» вместо возможного «интерактивная панель»; «голубой пузырь» — вместо «экран»; «умная машина» вместо привычного «компьютер», «оживила» вместо «включила». Прием *примитивизации номинаций* отражает состояние сознания народа: люди смотрят на высокие технологии, как на сказку, ставшую былью.

Отмеченная специфика *инновационного дискурса* выявляет такие важные черты сорокинской Новой России, как «инновационность» при «антизападничестве», заостряя известную проблему неэффективности технического прогресса при торжестве отсталой социальной идеологии, делающей невозможным развитие нации.

Безрадостная картина будущего России делает абсолютно мотивированным и наличие в тексте дискурса *нетрезвости*, вербализуемого, например, в следующем фрагменте: Отец Марфуши «купил в аптеке золотник кокоши. Понюхали они с мамой, бражкой запили, и деду немного перепало. Отец-то всегда хмурый, а развеселить его токмо кокоша и может» (напомним, что на сленге наркоманов *хмурый* означает «героин» или «находящийся под действием героина», *кокоша* — «кокаин»). Номинативная цепочка *хмурый — кокоша — бражка* выявляет еще одну доминантную черту сорокинского образа Новой России — восприятие и оценка действительности жителями Новой России с позиций *нетрезвости, одурманенности*. Причем в этом немалую роль играет как государство, допускающее в аптеке продажу наркотиков как лекарства, способного *развеселить* людей, примирить их с безрадостной действительностью (и в тех же целях прикармливающее по праздникам сладостями (сахарными фигурками Кремля) детей), так и церковь, куда за утешением ежедневно отправляются мама и бабушка Марфуши (вспомним знаменитые слова Карла Маркса: «Религия — опиум народа» [Ашукин, Ашукина 1986: 548]).

Таким образом, футурояз в рассказе В. Сорокина «Марфушина радость», как и специально вымышленные языки в антиутопических произведениях других авторов (см. об этом, например: Orwell 2011, Окс 2005, Киселёва 2015), становится мощным дискурсивным приемом изображения фантазмагорической картины недалекого будущего России. Гротескное изображение 7 «альтернативных миров» в сплетении 7 соответствующих дискурсов направляет мысль читателя на поиск предполагаемого ответа на вопрос: «Как следует действовать, чтобы избежать представленного в антиутопии результата развития современного общества?», подталкивая читателя самостоятельно вербализовать для себя имплицитный инструктивный компонент антиутопии.

ЛИТЕРАТУРА

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / отв. ред. В. П. Вомперский. — М.: Правда, 1986. — 768 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М.: Художественная литература, 1986. — С. 428–472.

Будыкина В. Г. Инверсия в нарративе литературной сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2004. — 19 с.

Виноградов В. В. История слов [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/wordhistory/1259> (дата обращения 11.11.2016).

Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX — начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Самара, 2009. — 49 с.

Голякова Л. А. Онтология подтекста и его объективация в художественном произведении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Пермь, 2006. — 36 с.

Дыдров А. А. Человек будущего в утопиях и дистопиях: философско-антропологическая интерпретация: автореф. дис. ... канд. философ. наук. — Челябинск, 2011. — 27 с.

Киселева С. А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе: структурно-семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2015. — 18 с.

Окс М. В. Вымышленные языки в поэтике англоязычного романа XX века: на материале романов «1984» Дж. Оруэлла, «Заводной апельсин» Э. Берджесса, «Под знаком незаконнорожденных» и «Бледный огонь» В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2005. — 223 с.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике. — М.: ИК «Комплект», 1997. — 384 с.

Смирнов И. П. Олигературное время. (Гипо)теория литературных жанров. — СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2008. — 264 с.

Сорокин В. Марфушина радость // Сорокин В. Сахарный Кремль. — М.: Астрель, 2008. — С. 5–15.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. — М.: РГГУ, 1995. — С. 35–73.

Филатов В. И. Антиутопия XX века как метод предвидения будущего // Вестник Омского университета. — 2014. — № 4 (74). — С. 84–86.

Хорохордина О. В. Инструкция как тип текста // Мир русского слова. — 2013. — № 4. — С. 7–14.

Шевель Е. А. Утопия и антиутопия в литературном процессе XX в.: когнитивный потенциал // Гуманитарные исследования. — 2011. — № 4 (40). — С. 267–273.

Шишкина С. Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. — 2007. — № 2. — С. 199–208.

Orwell G. Appendix: The Principles of Newspeak, in Nineteen EightyFour. — СПб.: КАРО, 2011. — С. 355–371.

REFERENCES

Ashukin N. S., Ashukina M. G. Krylatye slova. Literaturnye tsitaty. Obraznye vyrazheniya / отв. ред. V. P. Vomperskiy. — М.: Pravda, 1986. — 768 s.

Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov // Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i. — М.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. — S. 428–472.

Budykina V. G. Inversiya v narrative literaturnoy skazki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Chelyabinsk, 2004. — 19 s.

Vinogradov V. V. Istoriya slov [Elektronnyy resurs]. — 2010. — Rezhim dostupa: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/wordhistory/1259> (data obrashcheniya 11.11.2016).

Vorob'eva A. N. Russkaya antiutopiya KhKh — nachala KhKhI vekov v kontekste mirovoy antiutopii: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. — Samara, 2009. — 49 s.

Golyakova L. A. Ontologiya podteksta i ego ob"ektivatsiya v khudozhestvennom proizvedenii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Perm', 2006. — 36 s.

Dydrov A. A. Chelovek budushchego v utopiyakh i distopiyakh: filosofsko-antropologicheskaya interpretatsiya: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. — Chelyabinsk, 2011. — 27 s.

Kiseleva S. A. Funktsionirovanie evfemizmov v sovremennom angliyskom voenno-politicheskom diskurse: strukturno-semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2015. — 18 s.

Oks M. V. Vymyshlennyye yazyki v poetike angloyazychnogo romana KhKh veka: na materiale romanov «1984» Dzh. Oruela, «Zavodnoy apel'sin» E. Berdzhessa, «Pod znakom nezakonnozhdeniykh» i «Blednyy ogon'» V. Nabokova: diss. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2005. — 223 s.

Rozental' D. E. Spravochnik po pravopisaniyu i stilistike. — M.: IK «Komplekt», 1997. — 384 s.

Smirnov I. P. Oliteraturnoe vremya. (Gipo)teoriya literaturnykh zhanrov. — SPb.: Izdatel'stvo Russkoy Khristianskoy gumanitarnoy akademii, 2008. — 264 s.

Sorokin V. Marfushina radost' // Sorokin V. Sakharnyy Kreml'. — M.: Astrel', 2008. — S. 5–15.

Stepanov Yu. S. Al'ternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti // Yazyk i nauka kontsa XX veka. Sb. statey. — M.: RGGU, 1995. — S. 35–73.

Filatov V. I. Antiutopiya XX veka kak metod predvideniya budushchego // Vestnik Omskogo universiteta. — 2014. — № 4 (74). — S. 84–86.

Khorokhordina O. V. Instruksiya kak tip teksta // Mir russkogo slova. — 2013. — № 4. — S. 7–14.

Shevel' E. A. Utopiya i antiutopiya v literaturnom protsesse KhKh v.: kognitivnyy potentsial // Gumanitarnyye issledovaniya. — 2011. — № 4 (40). — S. 267–273.

Shishikina S. G. Literaturnaya antiutopiya: k voprosu o granitsakh zhanra // Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gosudarstvennogo khimiko-tekhnologicheskogo universiteta. — 2007. — № 2. — S. 199–208.

Orwell G. Appendix: The Principles of Newspeak, in Nineteen EightyFour. — SPb.: KARO, 2011. — C. 355–371.

Данные об авторе

Ольга Витальевна Хорохордина — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

E-mail: o.khorokhordina@spbu.ru.

About the author

Olga Vitalievna Khorokhordina is a Candidate of Philology, Docent of the Department of Russian Language for Foreigners, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg).